

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр
НОЧЬ
У ВДОВЫ-
ПЕРЕСМЕШНИЦЫ

« А З Б У К А »

Расследование ведет Генри Мерривейл

Сэр Генри Мерривейл

Джон Карр

Ночь у вдовы-пересмешницы

«Азбука»

1950

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Ночь у вдовы-пересмешницы / Д. Д. Карр — «Азбука»,
1950 — (Сэр Генри Мерривейл)

ISBN 978-5-389-32720-7

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Роман «Ночь у вдовы-пересмешницы» продолжает серию о великолепном сэре Генри Мерривейле – обаятельном, эксцентричном, взбалмошном толстяке, ставшем, по признанию критиков, одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-32720-7

© Карр Д. Д., 1950
© Азбука, 1950

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джон Диксон Карр

Ночь у вдовы-пересмешницы

John Dickson Carr

NIGHT AT THE MOCKING WIDOW

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1950

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© В. С. Грушевский, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Глава первая

Когда в английской деревне случается убийство – явление гораздо более распространенное, чем полагают те, кто не берет на себя труда погружаться в историю криминалистики, – общественность обычно испытывает потрясение, и оно тем сильнее, чем более респектабельно выглядит эта деревня.

Возьмите, к примеру, Стоук-Друид в Сомерсете.

Тут респектабельность оказалась скомпрометирована еще сильнее в связи с тем, что о преступлении стало известно не сразу: его обстоятельства были скрыты от глаз, словно подземный ручей бурлящего яда. Многие обитатели деревни были просто в бешенстве. Кое-кто – в ужасе. Однако прошло целых шесть недель, прежде чем кто-то упомянул о нем. К тому времени дело зашло совсем уж далеко.

Старинная деревня Стоук-Друид, словно погруженная в нескончаемую дрему, лежит примерно в четверти мили от дороги, соединяющей Уэллс и Гластонбери. Некогда она блистала в путеводителе Бедекера благодаря церкви пятнадцатого века, которой не коснулись «реставрации» 1840-х годов, а также благодаря группе массивных каменных глыб – вероятно, друидских – в северо-восточных лугах у реки.

Однако в предвоенное лето 1938-го о деревне, дремлющей в обрамлении высоких зеленых холмов, уже никто не вспоминал. И ее жителей это вполне устраивало.

Правда, за несколько недель до описываемых событий деревня всколыхнулась: викарий церкви Святого Иуды почил в возрасте восьмидесяти двух лет, и ожидание его преемника вызвало у прихожан определенную тревогу.

– Хм-хм... – Полковник Бэйли, вышедший в отставку из Индийского экспедиционного корпуса, в сомнении сдвинул брови.

– Прошу тебя, не волнуйся, – настоятельно попросила его племянница Джоан. – Уверена, к нам не пошлют какого-нибудь богомольного остолопа, который станет воскурять ладан и бить поклоны.

– Вот как?..

– Краем уха я слышала, что это преподобный Джеймс Кэдмен Хантер, племянник епископа Гластонторского.

– Ну, этот развеет тут церемонии, – буркнул полковник.

Однако он был не прав. Преподобный Джеймс Кэдмен Хантер – для друзей просто Джимми – оказался дружелюбным и благонравным молодым человеком атлетического телосложения. Он был так же верен своему призванию, как и прост в общении, и поэтому ни у кого не вызвал неприязни. Деревенский мясник лишь выразил озабоченность по поводу слишком уж юного возраста священника, а вся прекрасная половина Стоук-Друида сошлась во мнении, что ему просто необходимо жениться. А потом он совершенно случайно оказался виновником происшествия, о котором впоследствии не мог вспоминать без неловкости, но благодаря которому кое-кто из местной знати проникся к нему еще большей симпатией.

В Стоук-Друиде имелась (да и теперь имеется) всего одна улица – Хай-стрит. На ней располагалась старинная церковь Святого Иуды, фасад которой был обращен на восток, в сторону имени сквайра, окруженного парком. Путь от церкви до имени занимал по мощеной дороге не более пяти минут. Вот уже двенадцать поколений имение принадлежало семейству Уайатт,

и каждый раз его наследовал очередной Том Уайатт, которого односельчане за глаза называли просто сквайр или Том.

Нынешний Том Уайатт исключением не являлся.

Большинство состоятельных жителей Стоук-Друида – по крайней мере, те, кого называли аристократией, – обитало на обширной территории парка, который окружал имение. Позади дома сквайра – громадины из серого камня – раскинулся, подобно райскому саду, огород, а за ним были разбиты два теннисных корта с твердым покрытием, являвшиеся предметом особой гордости Тома Уайатта. Несмотря на полученное в Клифтоне образование, старинные обычаи и привычки жителей Сомерсета вошли в плоть и кровь сквайра.

Крепко сбитый, с красным лицом и аккуратно подкрученными седыми усами, Том Уайатт по своему обыкновению покачивался на каблуках и вещал громко и не выбирая слов – церемонно он изъяснялся только тогда, когда того требовал случай.

– Имей в виду, Сэм! – внушал он управляющему. – За то, чтобы корты были в безупречном состоянии, отвечаешь головой. Иначе вылетишь с работы пинком под зад! Имей это в виду!

Случилось так, что в знойный июньский день, когда река Ли в обрамлении полусонной зелени искрилась на солнце, преподобный Джеймс Кэдмен Хантер оказался на корте, чтобы сразиться в теннис в смешанных парах в компании полковника Бэйли, молодой и очень хорошенькой Джоан Бэйли, а также мисс Марион Тайлер – смешливой темноволосой дамы, которую язык не поворачивался назвать старой девой.

Викарий и Джоан Бэйли играли против полковника и Марион Тайлер. Помимо последней, которую, казалось, ничто не может заставить двигаться быстро, остальные, включая Джоан, выкладывались по полной. Одеты в белое игроки метались по площадке под палящим солнцем.

«Какая благодать!» – думал преподобный Джеймс Кэдмен Хантер. Его благостное настроение, похоже, во многом объяснялось тем, что его весьма привлекала голубоглазая шатенка Джоан. На ней были шорты и безрукавка, которые... Впрочем, этого он, похоже, не замечал. Однако не подлежало сомнению, что в теннисе он был ас: его внимание распространялось на весь корт, подобно распыленному в поле инсектициду. Не прошло много времени, когда у него появилась возможность взять сет.

Мистер Хантер ударил по мячу, и тот со свистом устремился к задней линии площадки соперников. Удар был рассчитан идеально, мяч полетел в нужном направлении, однако в следующую секунду облачко желтоватой пыли за пределами площадки возвестило о том, что мяч вылетел в аут.

– Черт! – выпалил преподобный Джеймс и тут же прикусил язык.

Лицо мистера Хантера приобрело оттенок лососины – и его светлая шевелюра лишь подчеркнула это. Как выброшенная на берег рыба, он беззвучно открыл, а потом снова закрыл рот. Никто не улыбался – казалось даже, что никто его реплики и не услышал. В конце игры полковник Бэйли как ни в чем не бывало приблизился к викарию. В его глазах плясали довольные искорки.

– Рад, что вы теперь с нами, падре.

Это означало, что преподобный Джеймс – парень что надо. Это была похвала.

Естественно, новость о случившемся разлетелась по деревне, разрастаясь в масштабах: новый священник-то, оказывается, тот еще сквернослов – ругается почище сапожника Фреда Корди. Многие на Хай-стрит испытали потрясение, включая мясника, зеленщика и владельца бакалеи. А вот кто испытал восхищение, так это сквайр Уайатт. Дамы же, все как одна, лишь многозначительно пожимали плечами.

– Ему и правда нужна жена, – пришла к выводу миссис Голдфиш, заканчивая вышивку и откусывая нитку в своей уютной гостиной над аптекой.

Мистер Голдфиш, аптекарь, человек весьма образованный, искоса взглянул на жену поверх очков в золотой оправе и посетовал:

– Вы, женщины, вечно хотите кого-то на ком-то женить. Мужчинам и в голову не придет ничего подобного! – Тщедушный мистер Голдфиш призадумался, а потом добавил: – Мистер Хантер, значит, собирается сочетаться браком с Джоан Бэйли?

Миссис Голдфиш презрительно усмехнулась:

– Мисс Бэйли! Что за бред! Мисс Бэйли втюрилась... В отличие от тебя, имен я называть не стану, но мистер Уэст – это прекрасная партия, так что осуждать ее за это язык не повернется.

Однако мистер Голдфиш, будучи человеком щепетильным и благодушным, продолжал прокручивать в голове брачные перспективы викария.

– Ну а миссис Лэйси?

Миссис Голдфиш отложила шитье и мрачно уставилась на мужа.

– Миссис Лэйси... – выдавила она с усмешкой. – Да что от вас, мужчин, еще ждать? Миссис Лэйси! Вдова, у которой взрослая дочь почти пятнадцати лет! А ей самой сороковник – уж точно не меньше!

– Может, оно и так, – с достоинством возразил супруг. – Но скажу тебе одно: когда миссис Лэйси приходит в аптеку – кстати, любезнее ее дамы не сыщешь, – больше тридцати ей не дашь. Даже тридцать, ей-богу, перебор! – завелся аптекарь. – Она выглядит лет на двадцать пять – не старше!

При этих словах миссис Голдфиш от гнева пробил холодный пот, и она пустилась в разъяснения относительно упомянутой дамы.

Но это были лишь туманные слухи – сарафанное радио работало в Стоук-Друиде так же исправно, как и в любом другом месте. К сожалению, Стелла Лэйси являлась притчей во языцех на устах у многих, и именно в нее была пущена первая стрела с отравленным наконечником, именно в нее был брошен первый камень утром первого июля.

Стелла Лэйси, которой на самом деле было тридцать четыре года, являлась изящной миниатюрной женщиной с пепельными волосами и большими серыми глазами. Особой болтуньей она не слыла, но уж когда говорила, то в чувстве юмора ей было не отказать. Миссис Лэйси со своей дочерью Памелой – как и полковник Бэйли, Джоан Бэйли, Марион Тайлер и романист Гордон Уэст – жила в одном из домов, что стояли в парке, окружавшем имение.

Так вот, утром первого июля она зашла на почту купить марки. Находиться в этом тесном помещении, где пахло старой древесиной и креозотом, зачастую становилось сущим испытанием для нервов из-за почтмейстерши: мисс Элли Харрис, дама средних лет, была глуха как тетерев. Она читала ваш вопрос по губам, а в ответ кричала, как сидящий в клетке попугай, так что разобрать ее слова было под силу лишь тому, кто владел птичьим языком. Кроме того, Элли была рьяной поборницей всяческих правил. Случалось, что за зарешеченным окошком крошечного почтового отделения скапливалась целая толпа разъяренных клиентов; невзирая на это, Элли битый час на повышенных тонах разъясняла попавшему под горячую руку неудачнику, что он неправильно упаковал посылку и ему придется все распаковать и запаковать заново.

С самой очаровательной улыбкой Стелла Лэйси подошла к конторке и просунула в окошко пять шиллингов.

– Книжечку марок, пожалуйста, – попросила она.

За конторкой Элли как раз сортировала утреннюю корреспонденцию, перед тем как передать ее почтальону. Обычно в такое время она обращала на посетителей не больше внимания, чем на черных тараканов. Но сегодня Элли пребывала в приподнятом настроении.

– Вам письмо, миссис Лэйси, – проорала она.

– Письмо? – удивленно пробормотала Стелла Лэйси.

Всем в Стоук-Друиде было известно, что за исключением тех периодов, когда ее дочь уезжала на учебу, писем она не получала, если не считать длинных конвертов, что приходили на ее имя раз в квартал от ее юриста в Лондоне.

Черные глаза Элли сверкали от удовольствия. Когда она улыбалась, казалось, что на ее лице нет ничего, кроме зубов.

– Вам письмо! – снова гаркнула она, помахав конвертом в воздухе. – Хотите сами забрать или пусть Джо его доставит?

– А-а... Я сама заберу. Спасибо большое.

Элли просунула письмо в окошко. Это был самый обычный почтовый конверт, на котором синими чернилами печатными буквами был аккуратно написан адрес. Миссис Лэйси посмотрела на него озадаченным и почти испуганным взглядом. Потом она осторожно вскрыла его: в конверте обнаружился единственный сложенный вдвое листок писчей бумаги.

Выдержав пару секунд, Элли Харрис подняла глаза и прогремела:

– Миссис Лэйси! Что это с вами?

В первый момент Стелла Лэйси покраснела как маков цвет, будто ей в лицо бросили оскорбление. Потом лицо ее покрыла бледность, и она словно постарела на несколько лет: казалось, ее пепельные волосы поблекли, а глаза запали.

– Только не эта книга, – пробормотала она. – Только бы не эта книга!

– Книга, миссис Лэйси? Книжечка марок?

Стелла ее будто не услышала. Наскоро сунув конверт в сумочку, она выбежала из почтовой конторы, тяжелая дверь которой с пыльной стеклянной панелью захлопнулась за ней с таким грохотом, что заглушила пронзительный крик Элли Харрис, которая размахивала оставленными Стеллой пятью шиллингами.

Это была первая из анонимок, что в последующие недели ливнем обрушились на обитателей Стоук-Друида. Даже теперь, когда все факты известны, полиция не может с точностью определить, сколько всего таких источающих яд писем было отправлено.

Кто-то из адресатов ограничивался нервическим смешком и с презрением бросал письмо прямиком в камин. Другие, не без колебаний, рвали послание на мелкие кусочки и боязливо рассовывали их по углам. Не то чтобы за серыми каменными фасадами и кружевными занавесками вершились ужасные преступления или творились грехи – нет! Ядовитое перо уязвляло людей по большей части ни в чем не повинных. «Это неправда, – убеждали себя они. – Но если другие поверят, что это правда?»

Так всегда и бывает с анонимками: большинство деревенских обывателей скорее умерли бы, чем решились признаться, что получили подобное письмо.

Пока тянулись эти недели, преподобный Джеймс Кэдмен Хантер, который хотел подружиться со всеми, видел на лицах окружающих выражение, напоминавшее закрытые ставнями окна. Несмотря на свою молодость и резвую походку, преподобный Джеймс все-таки поднакопил кое-какой опыт. Он три года прослужил священником в одном из приходов лондонского Ист-Энда. Когда его дядя-епископ поспособствовал назначению Джеймса в Стоук-Друид – ему, служителю культа, беднейшему из бедных, жалованье в триста фунтов в год показалось роскошеством, – он понадеялся, что сумеет пробудить в прихожанах воодушевление и радость. Однако, как преподобный Джеймс поведал полковнику Бэйли ближе к концу июля, он заблуждался.

– Что же это такое?.. – сокрушался Джеймс.

У полковника Бэйли было два увлечения: живопись – маслом и акварелью, и военное дело – с древнейших времен и до Ганнибала. В тот момент он как раз старательно делал набросок акварелью у себя в саду.

– Дело не только в том, что они не устаивают меня и словом, – продолжал преподобный Джеймс. – Они и между собой почти не говорят, а только бросают друг на друга косые взгляды. Это ведь чувствуется – будто что-то вот-вот...

– ...Произойдет? – подсказал полковник Бэйли.

– Ну да. Но в чем же дело?

– Не знаю. – Полковник Бэйли, который никаких анонимок пока не получал, пожал плечами. Его кустистые седеющие брови сдвинулись к переносице. – Это гадание на кофейной гуще. Мне ничего не известно, ей-богу.

– Тогда, может, погадаем на кофейной гуще, сэр?

– Увольте, – отрешенно ответил полковник и вновь взялся за кисть.

С Джоан Бэйли, как ни странно, преподобный Джеймс не виделся с того памятного дня, когда они играли в теннис. Зато несколько раз он сталкивался с Марион Тайлер – хохотушкой-брюнеткой, охотно сообщившей, что ей сорок два года, но ни о каких странностях, происходивших в деревне, ничего не знавшей, как она уверяла. Но когда Джеймс отправился с визитом к писателю Гордону Уэсту, случился один довольно-таки неприятный эпизод.

Гордон Уэст занимался исключительно популярной литературой: писал приключенческие романы, которые британская публика просто обожала. Кроме того, он в совершенстве владел приемами радиосценариста. Когда Уэст сочинил ряд пьес для Би-би-си, программный директор возликовал, а опросы слушателей показали, что добрая половина Британских островов слушает пьесы Уэста. Писатель жил один в самом маленьком доме в парке, окружавшем имение. Его двухкомнатный коттедж из серого камня стоял среди фруктовых деревьев.

Преподобный Джеймс, который был наслышан об Уэсте как о человеке с деликатнейшими манерами, с улыбкой постучал в дверь коттеджа. Раздавшийся изнутри грубоватый голос его весьма удивил.

– Кто там? Входите!

В продолговатом кабинете, вдоль стен которого теснились книги, а также заграничные диковинки и экзотические безделушки, за письменным столом сидел Уэст. Стол располагался у выходящего на северную сторону окна с задернутой зеленой занавеской. Уэст что-то печатал на машинке. Человеком он был поджарым, среднего роста, лет тридцати пяти, с темно-каштановыми волосами, жгучими карими глазами и впалыми щеками. На нем был поношенный джемпер и фланелевые брюки. Навстречу гостю Уэст не поднялся.

– Мистер Уэст? – улыбнулся викарий. – Я Кэдмен Хантер, – представился он несколько извиняющимся тоном и оглядел комнату. – Я так полагаю, вы... э-э-э... пишете?

– Да, – кивнул Уэст, отрывая взгляд от машинки. – Я так полагаю, вы... э-э-э... проповедуете?

Повисла пауза.

– О, я стараюсь делать это как можно реже, – усмехнулся преподобный Джеймс. – Исключая те случаи, когда поднимаюсь на кафедру. – И затем он неожиданно добавил: – Боюсь, что не читал ни одного вашего произведения, знаете ли.

Уэст резко развернулся на стуле, откинулся на спинку, сложил руки за головой и вперил взгляд в своего гостя.

– Скажите-ка, мистер Кэдмен Хантер, – с любопытством произнес он, – а как бы вы ответили на подобное замечание?

– Простите, не понял...

– Ну, мне часто приходится слышать: «Боюсь, что не читал ни одного вашего произведения». Вот вы бы, например, что сказали? «Очень жаль»? Или, – рывкнул Уэст, – вы бы сказали: «Раз не читали, так имейте такт об этом не упоминать»?

– Любезнейший, я совсем не хотел вас обидеть.

– Чего уж там... Простите мой выпад.

Преподобный Джеймс тут же снова просиял:

– Вижу, вы страстный путешественник, мистер Уэст.

– Раньше я был таковым. Теперь – нет.

– А можно ли спросить, по какой причине?

– Почему же нельзя? Можно. Потому что путешествия – это сплошное разочарование. Все самое захватывающее, – и Уэст коснулся пишущей машинки, – выходит отсюда.

Преподобный Джеймс вновь улыбнулся. Поскольку присесть ему не предложили, он двинулся к камину, а по пути обратил внимание, что на каретке пишущей машинки хозяина лежит вскрытый конверт. На нем печатными буквами синими чернилами был аккуратно выведен адрес Уэста. Однако никакого значения этому викарий не придал.

Зато над каминной полкой он заметил маленький портрет, выполненный маслом: головка Джоан Бэйли. Картина явно принадлежала кисти художника более искусного, чем дядя натурщицы. Светотень на ее пышных каштановых волосах, уложенных буклями по моде тридцать восьмого года, подчеркивала нежный оттенок ее кожи и делала еще более выразительным ее лицо: голубые глаза излучали пылкость, а полуулыбка манила чувственностью.

– Любопытно? – осклабился Уэст.

Однако преподобный Джеймс, кажется, и не заметил портрета. Он торопливо оглядел каминную полку, на которой располагались в ряд голова африканца, выполненная из высушенного дерева, головной убор индейского воина из племени команчей, два испанских кинжала шестнадцатого века, а также свернутое кольцом чучело гремучей змеи.

Если взять чучело в руку и слегка встряхнуть его, то оно начинало издавать злобный стрекот – оригинальная придумка чучельника. Это и обнаружил викарий.

– Боже правый! – воскликнул он обрадованно. – Вот так да! – И обернулся.

Чучело змеи продолжало стрекотать: трр-трр-трр. Тут викарий, высокий и стройный в своем сером твидовом костюме и с пасторским воротничком, будто о чем-то вспомнив, выпучил глаза и поскорее положил змею обратно на полку.

– Согласен, – сухо заметил Уэст. – Но поскольку сегодня утром у меня дел невпроворот, я надеюсь, вы не обидитесь, если я попрошу вас заглянуть как-нибудь в другой раз?

Преподобный Джеймс, ступая прочь от коттеджа, особой обиды не испытывал. Ему уже не раз случалось наносить визиты людям, чья неприязнь основывалась лишь на том, что они не являлись приверженцами церковных обрядов. В любом случае вскоре ему вообще стало не до обид: одна из отравленных стрел попала-таки в цель.

На южной, считавшейся фешенебельной стороне Хай-стрит жила мисс Корделия Мартин. Она чем-то напоминала мышь, хотя и была не лишена привлекательности. Мисс Мартин играла на органе в церкви Святого Иуды и довольно неплохо зарабатывала на жизнь пошивом платьев. В ночь на двенадцатое августа эта славная женщина утопилась в реке Ли.

Ее обнаружили на рассвете, труп зацепился за упавшее дерево. Разбухшие останки несчастной погрузили на тележку, накрыли мешками из грубого льна и повезли через густые луга, что с северо-востока примыкают к Хай-стрит.

– Какая жалость, – пробормотал кто-то.

– И правда жалость, – послышалось в ответ.

Вот, в общем-то, и все.

Красное солнце, пробиваясь сквозь завесу тумана, поднималось из-за стоявшего неподалеку дома сквайра. Когда тележку катили по лугу футов в ста от Хай-стрит, красные блики солнца коснулись высоких каменных глыб, которые казались монолитом, возвышающимся над округой с незапамятных времен. Своими очертаниями камни походили на фигуру женщины, которая кокетливо поводит плечом. Когда черное изваяние возникло из красноватого тумана, любому, кто поглядел бы на него со стороны улицы, наверняка не потребовалось бы напрягать воображение, чтобы увидеть глаза и рот, образованные трещинами в камнях.

Катившие тележку работники так свыклись с этим пейзажем, что даже не замечали его, хотя один из них все же поднял взгляд на валуны.

– Старая Вдова, – только и промолвил он.

Глухо ударившись о каменистый бугорок, тележка легко перекатилась через него и проехала четыре-пять футов по Хай-стрит. Скрип колес гулким эхом нарушал рассветную тишину. Улица была безлюдна, хотя впоследствии кое-кто утверждал, что как раз в тот момент Фред Корди, сапожник-атеист, стоял возле своего окна на втором этаже и широко улыбался.

Местный констебль, дрожа всем телом, вынужден был позвонить в Гластонбери. На том конце провода ему пообещали, что в более подходящее время в Стоук-Друид прибудет инспектор Гарлик или, уж во всяком случае, сержант, и повесили трубку. До ушей сквайра Уайатта новость дошла только в семь утра, и он разразился потоком ругательств в духе своих предков. Местные жители будто сговорились до поры до времени не посвящать молодого викария с лицом невинного агнца в то, что произошло, поэтому преподобный Джеймс узнал о печальном событии лишь во время вечернего чая, когда к нему пожаловал инспектор Гарлик.

Чаепитие викария прервала миссис Ханивелл, пожилая экономка, которая проводила в его кабинет полицейского. Немного постояв в дверях, она стремительно ретировалась.

– Боже, – признавалась она впоследствии голосом, полным благоговения, – временами он и правда похож на священника, клянусь!

Она и не предполагала, что лицо викария может обрести столь суровое выражение, а глаза стать холодными, точь-в-точь как у местного каменного изваяния.

– Понимаю, – промолвил преподобный Джеймс, когда инспектор Гарлик, пользуясь обтекаемыми фразами, кратко ввел его в курс дела. – Я хорошо знал мисс Мартин. Она была нашей органисткой. Она... – Викарий сжал в кулаке ручку. – Могли бы вы объяснить, инспектор, как мисс Мартин нашла свою смерть?

– По-моему, сэр, это несчастный случай.

– Несчастный случай?

Инспектор Гарлик, плотный мужчина с родинкой на щеке и невозмутимым взглядом похожих на щелочки глаз, посмотрел куда-то в сторону:

– Ну а что же это, по-вашему, сэр?

Его собеседник молчал. Даже умник из умников порой не замечает того, что творится у него под носом. Инспектор Гарлик догадывался, что в душе викарий рвет и мечет. Предположить, что миниатюрная, полная энергии мисс Мартин добровольно рассталась с жизнью, – это просто абсурд.

– Так что же это, сэр? – повторил инспектор.

– Благодарю вас. Вы можете идти...

– Выставил меня за дверь, – кипя от негодования, сообщил Гарлик сержанту, который дожидался его в прихожей. – Аристократ, глядите-ка! Ну да ладно, сынок. Здесь нам все равно делать нечего.

На лице сержанта было озадаченное выражение.

– В Стоук-Друиде? А я думал, что...

– Повторяю, – отчеканил Гарлик, – здесь нам больше делать нечего.

Конечно, у инспектора Гарлика не было никаких иллюзий. Недолгие расспросы в доме покойной, пара-тройка кружек в «Лошадиной голове» и в «Лорде Родни», небольшой променад по деревне – и он догадался об анонимках. Однако суперинтендент, не говоря уже о начальнике полиции, подобные истории терпеть не мог. Он их просто ненавидел. А случались они довольно часто, и полицейские предпочитали закрывать на них глаза.

«Так что не вмешивайся, Дэйв Гарлик, – увещевал сам себя инспектор. – Не суй свой нос, куда не следует, если только сверху не велят. А сверху не велят».

Коронеры из Гластонбери сыграли ему на руку – вот аноним-то, должно быть, посмеялся тогда от души!

Поскольку пожилой доктор Спенлоу находился в отпуске, вскрытие трупа было проведено его стоук-друидским коллегой, здоровяком-тевтонцем доктором Шмидтом, человеком весьма серьезным. Он заключил, что мисс Мартин, помимо того что являлась девственницей, не страдала хроническими заболеваниями и скончалась в результате утопления. Однако коронера одолела жалость: полагая, что мисс Мартин лишила себя жизни вследствие неразделенной любви, и желая спасти доброе имя несчастной, он надавил на присяжных, чтобы они вынесли вердикт о смерти в результате несчастного случая. Сей вердикт был вынесен единогласно, а инспектор Гарлик, посвистывая, вернулся в Гластонбери.

И все продолжали помалкивать.

События могли бы принять совсем уж неприятный оборот – особенно после похорон, на которых сестра Корделии Мартин истерически рыдала на ее могиле, – если бы аноним не притих на несколько недель.

В деревне царили тишина и спокойствие. Преподобный Джеймс, хоть все еще и кипел от гнева, старался найти успокоение в своем призвании и многочисленных обязанностях, из которых состоит жизнь викария даже скромного сельского прихода. А потом прогремел настоящий взрыв.

Во второй половине дня в субботу, тринадцатого сентября, преподобный Джеймс собирался побаловаться чайком у себя в кабинете, окна которого выходили на северный придел церкви. Преподобный Джеймс как раз закончил работу над проповедью, которую намеревался прочесть на следующий день, когда миссис Ханивелл внесла поднос с чаем и послеобеденной почтой.

Писем было всего два; верхнее – в самом заурядном конверте с адресом, написанном печатными буквами синими чернилами. Наливая себе чай, преподобный Джеймс не спеша вскрыл первое письмо. Пробежав его глазами, он перечитал его вновь. А потом резким движением нажал на звонок, чтобы вызвать миссис Ханивелл, которая влетела в кабинет, подобно пуле.

«Боже!» – прошептала она, распахивая дверь.

Преподобный Джеймс стоял за письменным столом. Его обычно румяное лицо побледнело, дышал он тяжело.

– Миссис Ханивелл, – начал викарий без предисловий, – что вам известно об анонимках, подписанных некой Вдовой? Я хочу услышать правду, миссис Ханивелл.

Почтенная экономка ухватилась за подол своего передника и поднесла его к губам:

– Сэр, мне неизвестно ни...

– Я намереваюсь вытащить это дело на свет божий, – ударил кулаком по столешнице преподобный Джеймс. – Во имя всего святого, мы должны узнать правду!

Миссис Ханивелл будто язык проглотила, поскольку в очередной раз викарий ее жутко напугал. В тот момент он выглядел так же непреклонно, как старик-священник в Стоунастоне. Опустив глаза на письмо и перечитав первые слова, преподобный Джеймс почувствовал себя почти больным от осознания того, что ему предстояло исполнить.

«Вот это да! Вы и Джоан Бэйли...» – так начиналась анонимка.

Глава вторая

В тот же субботний день, примерно в то же время, когда преподобный Джеймс принял решение, такси, приехавшее из Бристоля, подкатило ко входу в церковь на западной оконечности Хай-стрит. Из него вышел тучный джентльмен, бочкообразная фигура которого была затянута в белый костюм из шерсти альпаки.

Хай-стрит с ее опрятными тротуарами, плавно сбегавшими к имению на противоположном конце, была погружена в послеполуденную дрему. Если не считать нескольких припаркованных машин, улица была совершенно пустынна. За стенами каменных домишек и над лавками с яркими вывесками жены, позвякивая посудой, звали к чаю мужей, которые прилегли вздремнуть после обеда.

Тучный джентльмен, не без труда выбравшись из автомобиля, стоял, уперев кулак в бок – ни дать ни взять Виктор Гюго, – и оглядывал улицу с барской, даже надменной ухмылкой. Очки в черепаховой оправе были сдвинуты на кончик массивного носа. Большая лысая голова оставалась открытой осеннему ветру, пока таксист не выудил из автомобиля шляпу и не водрузил ее на макушку своего пассажира.

– Так это и есть Стоук-Друид? – произнес сэр Генри Мерривейл, презрительно сощурившись.

– Ага, – кивнул водитель; даже по этому короткому ответу можно было догадаться, что родом он из восточной части Бристоля. – Ну уж этот ваш чемодан – приходи кума глядеть! – Таксист едва сдерживался, чтобы не разразиться смехом, которому смог бы позавидовать даже Гаргантюа. – Красота невероятная! Это что-то!

– Смотри не лопни, сынок, – строго одернул его исполин в альпаковом костюме. – Твое дело вытащить чемодан из машины и поставить его торцом. Торцом, и не как иначе! Ровно так, как я объяснял тебе всю дорогу.

– Воля ваша.

На противоположной стороне улицы с обескураженным видом сбились в кучу шестеро детей в возрасте от девяти до тринадцати лет. Компанию им составляли две собаки: шотландский терьер и длинноногая черно-белая дворняга. Когда утром юные представители Стоук-Друида вышли из дома, они сияли чистотой, как натертые до блеска полы на кухне их матерей. Теперь же и мальчишки, и девчонки ничем не отличались от кукол вуду. Они понуро ожидали, что их вот-вот позовут домой пить чай, а заодно и выволочку им устроят. Однако при виде такси детей будто током ударило.

– Аккуратнее! – прогремел тучный джентльмен. – Христа ради, аккуратнее!

То, что материализовалось из такси, на первый взгляд было обычным кожаным чемоданом коричневого цвета, продолговатым и тяжелым на вид. Но когда таксист, едва не опрокинув его, поставил чемодан на дорогу, дети увидели четыре пузатеньких никелированных колесика, крепившихся к его дну.

– Благодарствую, сынок, – сказал тучный джентльмен и протянул таксисту деньги.

Зацепив двумя пальцами кожаную ручку, сэр Генри Мерривейл величественно двинулся через дорогу своей косолапой походкой, а чемодан послушно катился за хозяином.

– Ого! – раздался чей-то возглас. – Гляди-ка!

Великан лишь хмыкнул и кашлянул. Чувствуя на себе взгляды детворы – пятнадцать пар взрослых глаз, наблюдавших за ним из-за занавесок, он не замечал, – Г. М. не спеша вез или даже вел за собой чемодан, будто тот был и не чемодан вовсе, а триумфатор конских бегов.

Дети и собаки высыпали ему навстречу и окружили возле табачной лавки, бок о бок с которой располагалась цирюльня.

– Сэр! – послышался наполненный трепетом голосок.

– М-да?

Это был долговязый паренек лет тринадцати с фуражкой школы Мальборо на голове.

– Простите, сэр, а зачем вам такой смешной чемодан? – с нарочитой вежливостью произнес он.

Г. М. оскорбленно вскинул брови.

– А что с этим чемоданом не так? – произнес он, смерив маленького наглеца таким грозным взглядом, что обе собаки прижали хвосты и пару раз твякнули. – Этот чемодан – мое изобретение, мое! Ты мне что, тяжести прикажешь таскать? Представь, как бы у тебя ломило спину, если бы тебе пришлось тянуть чертов чемоданище сорок пять миль!

Эти слова произвели на ребят глубокое впечатление, и пару секунд все хранили молчание.

– Ну да! – вмешался крепыш, весь вид которого выдавал дотошный характер. – У него колесики на дне. Но наверху-то колесики зачем?

Это было правдой: в каждом углу сверху чемодана также имелось по колесику, и мальчишка, сын мясника, не преминул это продемонстрировать, крутанув их по очереди и оставив при этом на коже чемодана художественные отпечатки своих испачканных пальцев.

– Сынок-сынок... – Г. М. удрученно покачал головой. – Ведь так чемодан всегда будет стоять в правильном положении – как бы я за него ни ухватился. Внизу есть еще одна ручка. Перевернул – и все!

– Так, значит, – вступила в беседу девочка лет одиннадцати с леденцом на палочке во рту, – вы это все сами придумали?

– Ну а кто же! – скромно ответил Г. М.

Демонический крик, который заставил Г. М. поежиться, не означал, что кто-то из детей неожиданно обезумел. Просто Томми, сына сквайра Уайатта, самого перепачканного из всех, вдруг посетило вдохновение. Он кинулся вперед и по-свойски дернул Генри Мерривейла за полу пиджака.

– Послушайте, сэр! – прогнусавил Томми. – А что, если взять да и положить ваш чемодан боком, как любой другой чемодан?

– Ну и? – спросил Г. М., и сам отличавшийся любовью к экспериментам. – Положим мы его, а дальше?

– Но ведь тогда у него будет два колесика спереди и два сзади. Он такой тяжеленный, что пролетит вниз по Хай-стрит, как гоночный автомобиль, – все четыреста ярдов отсюда до папиного парка. Прямо как сэр Малкольм Кэмпбелл в «Синей птице»!

– Ну... вообще-то... – прищурился великан. – Ты, я так понимаю, хочешь гонку устроить? Чемодан против собак?

– Вот здорово! – прошептал юный Уайатт, пораженный гениальностью незнакомца. – Здорово! Ну да! Наперегонки с собаками!

Генри Мерривейл уже готов был поддаться. Однако в суровую реальность его вернули визги, слившиеся в оглушительный хор.

– Спорим, моя собака обгонит чемодан!

– Держи карман шире! Твоя откормленная шотландская псина? Вот моя собака точно его обгонит!

– Гляди в оба, Томми Уайатт, – шмыгнула носом девчушка лет девяти. – Твой папа сегодня обходит Северное поле, и он сказал, что...

– Р-р-р! – подала голос черно-белая дворняга.

Обе собаки, ошестившись, уставились на чемодан взглядом, полным подозрительности и неприязни.

– Ставлю тысячу фунтов!

– Ставлю миллион фунтов!

– Ставлю...

– Цыц! – громыхнул Г. М., и воцарилась гробовая тишина.

Каждый из детей посчитал своим долгом с умоляющим видом подергать его за белый пиджак, – вероятно, так они выражали свое доверие, но от этого не стал светлее ни пиджак, ни настроение Генри Мерривейла. Поправив очки, тот выдвинул ультиматум:

– Гонка состоится. Обещаю вам. Более того, если захотите поставить на кого-то еще – приводите, только борзых не надо. Однако сейчас мы гонок устраивать не будем, понятно?

– Почему?

– Сынок-сынок... Мне же придется заново упаковывать мой старый добрый чемодан, если он вдруг треснет. А в нем лежит бутылка виски, разрази меня гром! Вы же не хотите, чтобы целехонькая бутылка виски разбилась?

Все угрюмо согласились, хотя для порядка девочки все же немного пороптали. Мальчуган, что ходил в школу Мальборо, Гарри Голдфиш, выступил со встречным предложением:

– А сигареты у вас есть, сэр?

С видом оскорбленной добродетели Г. М. смерил мальчишек сердитым взглядом.

– Вы что же это, братцы, сигареты покуриваете? – прогрохотал он.

– Нет, сэр, – понурил голову ученик Мальборо.

– Даже не вздумайте начинать, ясно?

Тут они совсем загрузили.

– Сигареты, – усмехнулся Г. М., – курят только слюнтяи. Если уж хотите покурить, – тут он извлек из внутреннего кармана четыре первоклассные гаванские сигары в целлофановой обертке, – то курите сигары, как я. Вот вам каждому по штуке.

Дети пришли в дикий восторг. Пятнадцать пар взрослых глаз, теперь уже выпученных, продолжали наблюдать за происходящим из-за занавесок.

Однако одиннадцатилетняя девочка, что сосала леденец, дернула плечиком и состроила скучающую физиономию – девчонки есть девчонки.

– А ты, куколка, – успокоил ее Генри Мерривейл, – держи десять шиллингов – поделишь со своей подружкой. Купите себе конфет, или помаду, или что вам там нравится...

Тут он замолчал, переведя взгляд на другую сторону улицы. Метрах в пятнадцати от них, будто невзначай прислонившись к стене дома, стояла еще одна девочка лет четырнадцати. Она была нарядно и очень опрятно одета, ее хорошенькое личико обрамляли пепельные волосы, волнами спадавшие на плечи. В серых глазах отражалось безразличие и даже надменность. Заметив, что за ней наблюдают, девочка повернулась и зашагала вниз по улице.

– Это Пам Лэйси, сэр, – по-светски пояснил ученик Мальборо. – Дочь миссис Лэйси. Красотка, надо сказать.

– Да уж! – воскликнул сын мясника. – А вот папаши-то у нее нет, – добавил он.

– Попридержи язык! – рявкнул Г. М. и пригрозил ему пальцем. – Что значит – у нее нет папаши?

– Ну-у-у... – протянула любительница сладкого, вынув леденец изо рта и повертев его в руке. – Кто-то одно говорит, а кто-то – другое. Пам слишком уж интеллектуальная.

– Интеллектуальная, – зыркнул на нее ученик Мальборо.

– Ну пусть так, мистер Гарри Голдфиш, – пожала плечами девочка. – Слишком интеллектуальная, на мой взгляд. Но мой папа говорит...

– А кто твой папа, куколка?

– Мистер Корди, сапожник, – горделиво ответила девочка. – А уж он такой интеллектуальный, что ничему не верит. Он говорит, что она распущенная. – Мисс Корди продолжала буравить Генри Мерривейла взглядом. – Вы хотели пойти за ней, чтобы и ей дать десять шиллингов?

– Не понимаю, о чем ты, – солгал он. – Впрочем, – Г. М. суетливо махнул рукой, – мне пора. Кто-то может сказать мне, где найти Рэйфа Дэнверса?

- Того, что торгует книгами? – хором спросили дети. – А зачем он вам?
- Не ваше, черт возьми, дело! Кстати, и сквернословить не вздумайте. Так где он живет?
- Идите прямо по этой стороне улицы!

И Генри Мерривейл зашагал прочь, несмотря на все мольбы остаться. Он ступал, чеканя шаг и ведя за собой чемодан, и даже не подозревал о надвигающейся катастрофе.

Вообще-то, его переполняло чувство собственной добродетельности: он не только сумел противостоять соблазну, но и преподал урок морали местному подрастающему поколению.

Тут его взгляд уперся в позолоченные буквы: «РАЛЬФ ДЭНВЕРС. КНИГИ». Они венчали довольно пыльную витрину, у которой стоял лоток с разбросанными на нем книжками, цена которых явно не превышала двух пенсов в базарный день. Пытливые умы наверняка заинтересовались бы, зачем витрина лавки, как и все другие окна в доме, забрана сетью из массивной проволоки.

Если фамилия Дэнверс была пустым звуком для стоук-друидцев, исключая Гордона Уэста и полковника Бэйли, то она о многом говорила состоятельным и не очень состоятельным коллекционерам редких книг в Лондоне и Нью-Йорке. В течение двадцати лет магазин Дэнверса на Бонд-стрит был для них Меккой. И до сих пор они гневно вопрошали, с какой стати Дэнверс похоронил себя в сомерсетском захолустье, поскольку скучали по долгим беседам в магазине на Бонд-стрит.

– Мне хочется тишины и покоя, – вновь и вновь повторял Дэнверс. – В основном я работаю налоговым платежом. Можете заказать, что вам нравится, из каталога...

– Это пустая трата времени! – сердито возражал один из его наиболее состоятельных клиентов. – Давайте честно: вы ведь и сами не прочь порыться в книжных завалах в поисках какого-нибудь раритета! И самые ценные образчики вы ни за что не включите в каталог! А мы о них даже не узнаем, если только не явимся в эту глухомань и не прижмем вас к стенке.

Книжник лишь цокал языком и старался поскорее сменить тему.

Итак, прибывший в Стоук-Друид в этот погожий сентябрьский день сэр Генри Мерривейл с превеликой осторожностью приставил к лотку с книгами свой чемодан (дабы тот никуда не сбежал).

Над дверью резко тренькнул колокольчик. Внутри лавка представляла собой вытянутое полутемное помещение. Вдоль стен вытянулись стеллажи с теснившимися на них фолиантами, а посередине располагались столы, также заваленные печатными изданиями. В лавке висел тот самый запах старых книг, который гораздо сильнее, чем банальные розы или еще какие цветы, пробуждает грезы.

В глубине лавки, среди высоких, забранных проволочной сеткой шкафов, в которых хранились сокровища, с потолка свисала лампочка и освещала стол со сдвижной крышкой. Возле него, закинув на столешницу ноги, сидел погруженный в чтение «Барчестерских башен»¹ хозяин лавки.

– Хм! – громко возвестил о своем приходе сэр Генри Мерривейл.

Поправив шляпу, он неуклюже двинулся вдоль стеллажей. Мистер Дэнверс, осторожно отложив книгу, убрал ноги со стола и развернулся лицом к посетителю.

– Привет, Рэйф, – провозгласил Г. М.

– Добрый день, сэр Генри, – ответил книготорговец своим мягким, хрипловатым, но в то же время энергичным голосом.

Мистер Дэнверс был коренастым пожилым человеком, с белесой растительностью на голове, походившей на тополиный пух. Ничего примечательного в его лице не было, за исключением внимательных, водянистого цвета глаз, которые поблескивали над сдвинутым на кон-

¹ «Барчестерские башни» (1857) – роман английского писателя Энтони Троллопа.

чик носа пенсне. Несмотря на то что жилет мистера Дэнверса был усеян табачным пеплом, его руки сияли чистотой.

– Рад вас видеть, – продолжал он с искренней теплотой в голосе. – Почти два года минуло с нашей последней встречи! Присаживайтесь, прошу вас!

Он указал на небольшое, выдавшееся виды кресло с лежащей на нем кожаной подушкой. Г. М. плюхнулся в кресло, которое жалобно скрипнуло в ответ.

– Как вы поживаете, дорогой сэр Генри?

– Ужасно, – выпалил Г. М. – У меня такое давление, что врачи таскают меня по всем отделениям в больнице, чтобы показывать как редкий экспонат. Надеюсь, хуже уже не будет. Вот так, Рэйф.

– Я... не совсем вас понимаю.

– Ну смотрите! – внушительно произнес Генри Мерривейл. – Не так давно я вернулся в Лондон из Челтнема. В Челтнеме, пока я надиктовывал свою автобиографию, меня вовлекли в расследование дела об убийстве. Боже правый! Как меня в конце концов не разбил паралич – загадка! Клянусь, с расследованиями я завязал, хоть меня озолотите! В общем, я вернулся домой в надежде поваляться в постели и месячишко поразмышлять о том о сем... А в результате? Вы присылаете мне телеграмму.

Букинист, уткнувшись взглядом в пол, поерзал на стуле, но промолчал.

– По вашим словам, – продолжал Г. М., – у вас есть нечто настолько прекрасное, что я должен увидеть это лично. В связи с чем мне необходимо примчаться в вашу богом забытую деревню. Что ж, Рэйф, теперь вы просто обязаны меня не разочаровать.

Дэнверс кивнул, поднял свои водянистые глаза на Генри Мерривейла, а потом снова уперся взглядом в пол.

– По-моему, – заговорил он, – вас интересовал Жозеф Фуш, пройдоха, который был министром внутренних дел при Наполеоне. Насколько мне известно, в вашем кабинете в Военном министерстве даже висит большой портрет Фуша.

– Ну висит. И что?

Соединив кончики пальцев, Дэнверс перевел на них созерцательный взгляд.

– Вероятно, вы не знаете, – продолжил он, – что Фуш тайно написал мемуары? Он сделал это по приказу императора, и содержат они не подлежащие огласке подробности о жизни наполеоновского двора с тысяча восемьсот четвертого по тысяча восемьсот двенадцатый год.

Г. М. вперил в книжника изумленный взгляд.

– Мать честная! – только и выдохнул он.

– Вот-вот. – Букиниста, казалось, того и гляди скрутит от смущения при одном лишь упоминании о своей редчайшей находке. – Было напечатано всего два экземпляра на тончайшем пергаменте: один – для императора, а второй – для самого Фуша. Известно, что экземпляр Фуша был уничтожен. А у меня тут, – он указал пальцем на один из шкафов, защищенных провололочной сеткой, – стоит единственный оставшийся экземпляр с примечаниями Наполеона, сделанными его собственной рукой. Посмотрите?

– Куплю, – безапелляционно заявил Г. М., швырнув шляпу на стоявший позади столик. – Вы ведь никогда не любили торговаться, Рэйф, как и я. Какова цена?

– Книга не продается, – сказал Дэнверс.

Сэр Генри Мерривейл опустил глаза.

– Знаете, – вступил он после угрожающе долгой паузы, – а ведь правду говорят, что цель букинистов – ставить препоны книготорговле. – Тут он взорвался: – Зачем же тогда, гори все огнем, я приехал сюда?

– Вы не поняли, – мягко осадил его Дэнверс. – Я отдам вам книгу даром, если вы разоблачите того, кто пишет анонимки.

Снова воцарилась тишина.

– Анонимки?..

– Все они подписаны Вдовой – так мы окрестили груды черных камней у нас на лугу. Сельчане из-за этих анонимок уже на грани безумия. По-моему, именно из-за них уважаемая, хоть и весьма невротическая особа утопилась всего в полумиле отсюда. Письма вроде как, – Дэнверс сделал особое ударение на «вроде как», – перестали приходить. Но они возобновятся – тут к гадалке не ходи. И последствия их будут еще ужаснее. Позвольте посвятить вас в подробности.

Используя явно незаурядные дедуктивные способности, букинист в общих чертах описал то, что нам уже известно. Его мягкий, хрипловатый голос звучал монотонно. Он расположился под единственным источником света в затемненном помещении, опустив внушительный подбородок на сложенные пирамидкой пальцы.

Во время его повествования Генри Мерривейл не двигался, он сидел со скрещенными на груди руками и совершенно изменившимся выражением крупного лица – морщины на нем разгладились, оно стало суровым и непроницаемым. Маленькие глазки сфокусировались на Дэнверсе. Теперь стоук-друидская молодая поросль вряд ли признала бы в нем того Мерривейла, с которым недавно обсуждала шансы собак обогнать его чемодан.

– Генри, – неожиданно заключил Дэнверс, – бога ради, возьмите дело в свои руки, чтобы еще кто-нибудь не отправился к праотцам!

Г. М. не шелохнулся.

– Скажите, Рэйф, – молвил он, – а вы такие анонимки получали?

– Да. Две штуки.

– И в чем вас обвинили?

– Среди прочего в торговле порнографическими изданиями и в том, что я посредством их соблазнил одну деревенскую девицу. И то и другое – ложь. Но видите ли, – улыбнулся умудренный опытом букинист, – меня это не слишком задело. Хотя автор анонимок явно полагал, что эти письма погрузят меня в смятение. – Он кивнул в сторону стоявших ближе к входу стеллажей. – У меня есть кое-какая литература, посвященная преступлениям и криминологии. Но... книг об анонимщиках у меня нет.

– О Рэйф! Таких пособий не счесть. Да и практических материалов хватает... Так где эти письма, что вы получили?

Развернувшись к столу и выдвинув один ящик, Дэнверс извлек оттуда сложенный пополам лист писчей бумаги:

– Мне хочется, чтобы вы обратили особое внимание именно на это письмо. Погодите! Не протягивайте руку.

– В чем дело?

– Надо признать, что мои познания о подобного рода вещах в основном проистекают из... как бы сказать... популярной прессы. Но когда вы прочтете это послание, могу ли я задать вам два вопроса, прежде чем вы поделитесь своими соображениями?

Г. М. кивнул. Ральф Дэнверс передал ему письмо. Пока Г. М. его читал, на его лице, которое могло вселить в стороннего наблюдателя едва ли не ужас, не дрогнул ни один мускул. Сложив письмо, он отдал его книжнику.

– Полагаю, не ошибусь, – продолжил Дэнверс, – что в большинстве своем анонимки пишут полуграмотные люди. Но бывает ли так, что за их сочинение берутся и образованные люди, которые намеренно делают грамматические и орфографические ошибки, чтобы продемонстрировать безграмотность и скрыть свою личность?

– Вы правы, Рэйф. Это непреложная истина.

– Прекрасно! Тогда возьмите это письмо, а также второе, что получил я, и еще одно, которое мне показал знакомый. Грамматика, правописание, пунктуация – комар носа не под-

точит. Не обошлось и без скабрзностей, автор пользуется ими умело, дабы создать эффект неожиданности, столь же злонамеренной, как и сами письма. Верно?

Г. М. в задумчивости сдвинул брови.

– Послание и правда гнусное, сынок, – согласился он и снова погрузился в задумчивость. – Говорить скабрзности я и сам умею, – заявил он с достоинством, – как и большинство людей. Но тут речь не о банальной пошлости. Это...

– И что же это?

Лицо Г. М. вновь стало походить на деревянную маску.

– Лучше скажите вы, Рэйф.

– Письма написаны высокообразованным – или, по крайней мере, хорошо образованным – человеком, – сказал Дэнверс. – Поэтому, на мой взгляд, мы можем исключить девяносто девять процентов подозреваемых. Заурядный сельчанин, фермер или его работник, имеет те же шансы написать подобное послание, что и сочинить поэму, сравнимую с «Авессаломом и Ахитофелом»². А это сужает список...

– Продолжайте, сынок: кто же в списке подозреваемых?

Букинист колебался. Явно ему претило то, что он обязан сказать.

– Во-первых, – начал он, – в этом списке я сам. – Бледно-голубые глаза сверкнули поверх пенсне. – Хорошо, допустим, что я невиновен. Далее в нашем списке мисс Марион Тайлер, миссис Стелла Лэйси, мисс Джоан Бэйли, полковник Бэйли и мистер Гордон Уэст. Затем следует доктор Шмидт, который временно замещает доктора Спенлоу. Говорит Шмидт на ломаном английском, а вот пишет всегда безупречно. С натяжкой, но мы можем включить в список и мистера Голдфиша, аптекаря, и мистера Бенсона, хормейстера. Хотя... погодите-ка! – мягким жестом остановил Дэнверс Мерривейла, который собирался что-то сказать. – Давайте выполним более приятную задачу – исключим тех, кого можно исключить.

² «Авессалом и Ахитофел» – знаменитая сатирическая поэма Джона Драйдена (1631–1700).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.